

Дьемер присутствовал на панихиде по Н. Г. Рубинштейну в русской церкви в Париже на улице Дарю вместе с Тургеневым, Полиной Виардо, Камилем Сен-Сансом, Юбером Леонаром, Жюлем Массне, Эдуаром Лало и многими другими.³¹ Несомненно, бывал Тургенев и на многочисленных концертах, где выступал Дьемер, нередко вместе с Полем Виардо или Альфонсом Дювернуа.

Возвращаясь к литературно-музыкальному утру 16 (28) мая 1878 года, следует отметить, что за вычетом всех расходов оно собрало 950 франков (т. е., к примеру, вдвое меньше, чем утро, состоявшееся в 1877 году), о чем Тургенев сообщил Лаврову 21 мая (2 июня) 1878 года. «Сию малую лепту, — прибавлял он, — я готов передать Вам, а также если Вы кого пригласите с собою из „библиотеки“» (П 16-1, 119, № 5039). Встреча произошла через два дня — во вторник 23 мая (4 июня), а уже на следующий день Лавров известил Лопатина: «Если Вы приедете не ранее 15, то Вы не застанете уже здесь Тургенева, который уезжает, кажется, чрез неделю. <...> Тургеневское утро дало так мало (950 francs), что пришлось отказаться от надежды выделить что-либо для этапного фонда».³² Под этапным фондом, или этапной кассой, подразумевались средства, которые собирались комитетом в составе Драгоманова, Лаврова и Лопатина с целью оказания материальной помощи эмигрантам, намеревавшимся вернуться в Россию на революционную работу.

Публикуемое письмо к Луи Дьемеру показывает, насколько заинтересован был Тургенев в организации литературно-музыкальных собраний, которые давали возможность молодым членам семьи Виардо раскрывать свои таланты, а самому писателю укреплять связи с музыкальным миром Парижа. Можно не сомневаться в том, что в дальнейшем наши знания об этой стороне деятельности Тургенева будут лишь расширяться.

³¹ См.: Le Gaulois. 1881. 27 mars. № 561. P. 1. Этот факт также не учтен в соответствующем томе «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883)» (с. 389).

³² Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. С. 563.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-159-166

НЕИЗВЕСТНЫЕ РЕЦЕНЗИИ В. В. РОЗАНОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА П. П. ПЕРЦОВА)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Е. И. ГОНЧАРОВОЙ)

Публикуемые рецензии В. В. Розанова написаны в связи с выходом в свет «второго» издания книги «Философские течения русской поэзии» (1899) по просьбе ее составителя и издателя Петра Петровича Перцова, в архиве которого беловые автографы и были обнаружены. В сборник вошли стихотворения 12 поэтов, а также критические статьи о них. Пять очерков были подготовлены самим Перцовым.¹

«Основная цель, — говорит Перцов в предисловии, — разъяснение и определение философских течений нашей поэзии: вопрос, как согласится читатель, настолько же

¹ Философские течения русской поэзии / Сост. П. П. Перцов. 2-е изд. СПб., 1899. В сборнике опубликованы «характеристики» поэтов, предворяющие публикацию их избранных стихотворений: А. С. Пушкина (автор Д. С. Мережковский — с. 3–86); Е. А. Баратынского (С. А. Андреевский — с. 87–98); А. В. Кольцова (Мережковский и Перцов — с. 111–117); М. Ю. Лермонтова (Андреевский — с. 133–149); Н. П. Огарева (Перцов — с. 163–172); Ф. И. Тютчева (В. С. Соловьев — с. 181–196); А. К. Толстого (Перцов — с. 211–230); А. А. Фета (Б. В. Никольский — с. 239–267); Я. П. Полонского (Перцов — с. 283–303); А. Н. Майкова (Мережковский — с. 317–335); А. Н. Апухтина (Перцов — с. 349–356); А. А. Голенищева-Кутузова (Перцов — с. 365–378).

любопытный, насколько мало разработанный».² Такова была идея издания; инициатором оно рассматривалось как определенная веха в новой интерпретации русской поэзии критикой, которая, по его мнению, теперь сдвигалась с «натертых» позиций утилитарной критики Д. И. Писарева и Н. К. Михайловского.³ Полагая, что в большинстве своем критики смотрели на поэзию исключительно с точки зрения «либеральной свистопляски», Перцов считал, что наступило время установить «новую точку критических умозрений»,⁴ и расценивал свой сборник как новаторский.

После выхода в свет «Философских течений...» в 1896 году Перцов пытался завязать знакомство с Розановым. «Странные» писания философствующего литератора привлекали его внимание, и он передал ему через общих знакомых экземпляр книги,⁵ вероятно дошедший до адресата. Во всяком случае, Розанов с сочувствием несколько позже отозвался о сборнике. Спустя два года он писал Перцову: «...я взял „Философские течения“ — только еще раз перечел некоторые статьи Ваши и Дм<итрия> Сер<геевича> <Мережковского>. — Е. Г.> о Кольцове, Огареве, Баратынском, Ал. Толстом. Много там есть хорошего, т. е. в этом сборнике».⁶

Рассчитывая на одобрительный отклик на «второе» издание книги в 1899 году, Перцов и обратился к Розанову. Литераторов в это время уже связывали не только дружеские отношения, но и тесное творческое сотрудничество. Перцов начиная с осени 1898 года готовил к изданию сборники Розанова — сам отбирал материал для книг, держал корректуры за него, т. е. воскрешал «из газетного мусора» и создавал его «как писателя с физиономиею». Правда, тогда же наметилось и их идейное расхождение. Перцов категорически не принимал нападков Розанова на христианство и в ноябре 1898 года написал статью, направленную против него, красноречиво озаглавив «Религиозный дилетантизм».⁷ В письме от 20 февраля 1899 года он упрекал Розанова в неискренности его идей и убеждал отречься от Христа: «...надо, дескать, спихнуть Христа, ну не дубьем, так „эkleктизмом“».⁸

Историю работы над книгой и отношение к ней критики подробно описаны Перцовым в VI главе воспоминаний.⁹ Сборник, вышедший в Петербурге в марте 1896 года, печатался на его средства. Затраты были довольно велики, а реализовывалась книга очень медленно. Даже если бы издание полностью разошлось, то и тогда едва окупило бы себя. Через год Перцов с грустью писал Б. Н. Никольскому, автору статьи о Фете:¹⁰ «„Фил<ософские> Т<ечения>“ идут более нежелезнично — за всю зиму Карбасников¹¹ продал всего 20 экземпляров. Решительно не хотят нас с Вами читать».¹² Перцов

² Там же. С. 1.

³ Перцов П. П. Литературные воспоминания 1890–1902 гг. / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2022. С. 156. См. также: Крылов В. Н. «Философские течения русской поэзии» П. П. Перцова как модель религиозно-философского истолкования русской классики в Серебряном веке // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 144–148.

⁴ РГБ. Ф. 386. Карт. 98. № 5 (письмо Перцова к В. Я. Брюсову от 10 августа 1895 года).

⁵ Книга была передана Розанову или через юриста Б. Н. Никольского, или через философа Ф. Э. Шперка, друга Розанова, откликнувшегося обширной рецензией на сборник (Новое время. 1896. 8 мая. № 7252. С. 4; раздел: Библиографические новости). См.: Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896–1918): В 2 т. / Вступ. статья Е. И. Гончаровой; сост., подг. текстов и комм. Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко. СПб., 2022. Т. 1. С. 81 (письмо Перцова от 9 ноября 1896 года).

⁶ Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 174 (письмо от 1 января 1898 года).

⁷ Статья Перцова не была напечатана.

⁸ Там же. С. 333.

⁹ Перцов П. П. Литературные воспоминания 1890–1902 гг. С. 155–162.

¹⁰ Впервые: Никольский Б. В. Поэт философов // Русское обозрение. 1894. № 12. С. 1099–1114.

¹¹ В 1878 году Николай Павлович Карбасников (1852–1922), один из основателей Русского общества издателей и книготорговцев, открыл книжный магазин в Петербурге. В него поступали на реализацию издания Перцова. Так, 18 марта 1896 года, сообщая, что «Философские течения...» на днях появятся в продаже, он писал отцу: «Я сдал все издание (на склад) Карбасникову, что избавляет меня от многих хлопот» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 74. Л. 1).

¹² Переписка П. П. Перцова и Б. В. Никольского (1896–1900). Часть 1 / Подг. текста и прим. О. Л. Фетисенко // Соловьевские исследования. 2020. № 2 (66). С. 129 (письмо от 14 марта 1897 года).

предполагал, что весь тираж был раскуплен не раньше начала нового столетия. Во всяком случае, начинающего предпринимателя медленный сбыт лишил возможности развернуть издательское дело так, как он планировал.¹³

Но невольно возникает вопрос: если первое издание 1896 года не было успешным, то в чем же заключался смысл «второго»? Объявление о выходе вторых изданий сборника и «Вечных спутников» Д. С. Мережковского появилось в газете «Новое время» 22 февраля 1899 года.¹⁴

Напомним, что еще в конце 1894 года Перцов начал в Петербурге собственную издательскую деятельность, правда, весьма своеобразную. Он печатал «не ходкие» книги. Свой взгляд он изложил после появления в 1897 году «Вечных спутников» Мережковского следующим образом: «...я издаю книги, к<ото>рые считаю хорошими и к<ото>рые автор издать не может, а издатели-купцы не хотят, и может быть по-своему правы: они издают для барышей, а их такая книга, конечно, не даст».¹⁵ Перцов явно не ставил перед собой коммерческие цели. Он знакомил читателей с новыми тенденциями в литературе и обращал внимание на недооцененных авторов — мало известных тогда Мережковского и Розанова. Он не только издавал книги за свой счет, хотя не был особенно богатым человеком, но и редактировал их.¹⁶ «В России, — делился он своими наблюдениями, — публика не покупает книг, кроме беллетристики и известных имен <...> Надо еще заслужить одобрение одного или 5–6 хозяев литературы (из к<ото>рых более половины — либералы, и, след<овательно>, по убеждениям составляют как бы одно лицо), или пропадать в неизвестности. От этого не спасает никакой талант (если он не талант поэта или романиста, особенно). Страхов был первоклассный талант, но его никто не знает. То же Апол. Григорьев. То же теперь Мережковский (как критик)».¹⁷

«Философские течения...» лежали на складе и продавались «более нежели плохо». Читатели не интересовались книгой, выпущенной приличным тиражом 1200 экземпляров. И тогда, чтобы хоть как-то его реализовать, поздней осенью 1898 года Перцов решился на небольшую хитрость. Он изменил на титульном листе дату выхода в свет — 1896 год на 1899-й и написал: «издание второе».

Дело в том, что «устаревшую» продукцию книготорговцы не берут на реализацию в свои магазины. Интерес для публики дореволюционной эпохи, как, впрочем, и для нынешней, представляют только новинки. Книгу «старше» одного года сложно пристроить. «Я решил для ускорения обращения „Философских течений“ переменить им рубашку, — делился Перцов с Никольским, — снабдив новую спасительной вышивкой „второе издание“ и 1899 годом. Иначе невозможно устроить старые экземпляры даже на комиссию хриstopродавцам (не говорю уже — увлечь покупателей)».¹⁸ Таким образом в феврале 1899 года и появляется «второе» издание «Философских течений...», о котором сам Перцов отзывался как о «гешефтмахерстве».¹⁹ В письме к Розанову от 20 февраля 1899 года Перцов упомянул это издание как просто «перемену одной обложки».²⁰ Можно предположить, что эта история была известна только участникам сборника, интересы которых не были задеты.

Во всяком случае, Никольский, который часто бывал у великого князя Константина Константиновича в связи с подготовкой Полного собрания стихотворений А. Фета,

¹³ Перцов П. П. Литературные воспоминания 1890–1902 гг. С. 163.

¹⁴ Новое время. 1899. 22 февр. № 8258. С. 1.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 74. Л. 40–41 об. (письмо Перцова к отцу от февраля 1897 года).

¹⁶ В декабре 1896 года он сообщил о своей работе: «...все это время был занят изданием книги Мережковского <...>. Мне было тут порядочно работы, п<отому> ч<то> переделывал каждую статью и держал все корректуры» (Там же. Л. 32 об.; письмо Перцова к отцу от 18 декабря 1896 года).

¹⁷ Там же. № 75. Л. 7 (письмо к отцу от 24 октября (5 ноября) 1897 года).

¹⁸ Переписка П. П. Перцова и Б. В. Никольского (1896–1900). Часть 4 / Подг. текста и прим. О. Л. Фетисенко // Соловьевские исследования. 2021. № 1 (69). С. 112 (письмо от 13 ноября 1898 года).

¹⁹ Там же. С. 113.

²⁰ Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 329.

беседовал с ним о «Философских течениях...» именно в феврале 1899 года. Он писал Перцову, убеждая сделать подарочный экземпляр для великого князя и сопроводить дарственной надписью: «...Вам следовало бы расщедриться на изящный переплет, но — в библиографических целях — сохранить под переплетом обложку кругом. Доставить можете прямо во Мраморный Дворец, на имя Великого Князя. Если затрудняетесь писать препроводительно-благодарственное письмо, а хотите ограничиться подносительной надписью, я охотно возьму на себя передать книгу по принадлежности».²¹ Никольский считал, что Перцов не должен упустить случай познакомить великого князя со своей деятельностью: «Если Вы издаете, то, очевидно, для того, чтобы книги шли; а полежать на виду на столе у Августейшего Президента академии хоть одному экземпляру книги — так вперед для всего издания».²² Не ясно, был ли изготовлен такой подносной экземпляр «Философских течений...», напечатанных весьма скромно, но сам по себе эпизод любопытный. Дарить предлагалось именно «второе» издание.

Перцов приехал из Казани в Петербург в 20-х числах января 1899 года. Поводом для приезда была прежде всего работа над книгами Розанова. Предложив летом 1898 года издать статьи Розанова, чему тот был очень рад, Перцов за короткий промежуток времени в 1899–1900 годах «залпом» выпустил четыре его сборника. Эту неоценимую бескорыстную услугу благодарный Розанов помнил всю жизнь и называл поступок Перцова «подвигом доброты».²³

«Второе» издание «Философских течений...» вышло в свет почти одновременно со сборником Розанова «Сумерки просвещения». Перцов просил автора о помещении бесплатных рекламных объявлений в газетах, где Розанов сотрудничал, и об отзывах на новоявленные книги: «Дайте непременно рецензию на „Ф<илософские> т<ечения>“ и „В<ечных> с<путников>“ — если можно, в „Новое время“. Надо меня рекламировать»,²⁴ — просил он Розанова 17 февраля 1899 года. Тот обещал рецензии, заметив, что его «аневрируют» писания по просьбе — такие отклики получаются очень плохими: «...я так стараюсь, что „г-но“ выходит».²⁵

Через некоторое время Перцов, поглощенный подготовкой второй книги Розанова «Литературные очерки», напомнил о своей просьбе в конце февраля 1899 года: «Нужно еще побеседовать с Вами насчет „Фил<ософских> теч<ений>“ и „Вечн<ых> спут<ников>“».²⁶

Поначалу Розанов ответил сочувственной статьей на сборник Мережковского в «Новом времени»,²⁷ но медлил со следующей. «А написали ли Вы о „Фил<ософских> теч<ениях>“?»,²⁸ — интересовался Перцов. В конце марта он, наконец, получил долгожданную рецензию.

Прежде чем отправить текст К. С. Тычинкину²⁹ в «Новое время», Розанов познакомил с откликом Перцова. Они всегда посылали друг другу рецензии на просмотр, чтобы избежать обид в дальнейшем.

Прочитав рецензию, Перцов остался недоволен: «Благодарение богам, милейший Василий Васильевич, что Вы догадались прислать Вашу истинно-„велосипедную“,

²¹ Переписка П. П. Перцова и Б. В. Никольского (1896–1900). Часть 4. С. 114 (письмо от 16 февраля 1899 года).

²² Там же. С. 115.

²³ Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 238 (письмо от конца сентября (после 20-го?) 1898 года).

²⁴ Там же. С. 331 (письмо от 17 февраля 1899 года).

²⁵ Там же. С. 337 (письмо от 21 (?) февраля 1899 года).

²⁶ Там же. С. 335 (письмо от 21 февраля 1899 года).

²⁷ «Иллюстрированное приложение» к «Новому времени». 1899. 31 марта. № 8291. С. 7 (перепеч.: Розанов В. В. Юдаизм. М.; СПб., 2009. С. 144–145 (Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 27])).

²⁸ Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 355 (письмо от 10 марта 1899 года).

²⁹ Тычинкин Константин Семенович (1865 — после 1925) — сотрудник книгоиздательства А. С. Суворина; заведовал выпуском газеты «Новое время». Розанов предупреждал Перцова: «...терпение Ваше будет испытывать Тычинкин, который, не краснея, положит на 1 месяц в сторону рецензию, — каждый день будет уверять: „уж отдано в типографию“, „в среду непременно“» (Там же. Т. 1. С. 332).

„приятельскую“ рецензию на „Ф<илософские> т<ечения>“ сперва мне — иначе мог бы выйти полный скандал в „благородном семействе“». ³⁰ Несмотря на «разнос» Розанова, послание казалось вполне дружелюбным, но Перцов явно был задет. Об этом свидетельствуют его пометы на автографах рецензий, сделанные позже. «Вообще все рецензии на сборник, где они ни появлялись, были одного жанра, — с горячностью писал он Розанову, — и можно бы с закрытыми глазами написать такую „среднюю“ рецензию: во-первых, сочувствие идее сборника; затем неодобрение исполнению; затем восторги на статью Вл. Соловьева (о Тютчеве — плохенькая); затем жестокая ругань на „Пушкина“ Мережковского, и, наконец, общий реверанс с нашлапкой мне и с воздушным поцелуем Андреевскому...». ³¹ Перцов не согласился ни с одним выводом Розанова. Например, с заключением, что сборник подвергся либеральной травле. По мнению Перцова, был только один «яркий либеральный бурак» (статья Б. Б. Глинского в «Историческом вестнике» ³²), и под «жестокое бомбардирование» книга попала со стороны В. П. Буренина в «Новом времени», высмеявшего «Философские течения...» на примере разбора творений Козьмы Пруткова. ³³ Указав на ошибки, допущенные в рецензии (упоминались журналы, где не было откликов на книгу), Перцов пожурил Розанова за легкомыслие: «И как же, вообще говоря, не ссориться с Вами? Я, конечно, очень благодарен Вам за „доброе намерение“, но, признаюсь, в литературе для меня нет „домашнего камелька“ и „домашних“ возле одного бесед. И потому от таких „домашностей“, к<ак>, напр<имер>, Ваши мне комплименты за „идеализм“, у меня точно першит в горле». ³⁴

Розанов смиренно согласился с критикой. За время работы Перцова над его статьями он вынужден был выслушивать и более жесткие упреки от него. Он признался, что, действительно, не имеет впечатления от книги, но готов подготовить новую рецензию. «Новой рецензии не пишете, дорогой Василий Васильевич, — не стоит возиться: всё равно никакими рецензиями публику-милочку не проберешь», ³⁵ — отвечал ему Перцов 2 апреля 1899 года. Однако, вероятно, в начале апреля попытка создания «второй» рецензии все-таки была предпринята, о чем свидетельствует автограф, публикуемый ниже.

Розанов упоминает некую рецензию в письме от 9 апреля 1899 года, опять явно неудавшуюся: «...читал, читал — и ничего не помню. Спрячьте рецензию в стол и дождайтесь лета, когда какой-нибудь жаворонок восхитит меня, и я это восхищение перенесу на книгу <...> Плачу и обнимаю». ³⁶

«Вторую» рецензию Перцов распенил как самую печальную для книги, равнозначную тому, что ее не существует. «...Но я другой от Вас и не ждал. <...> Просто, в теперешнем Вашем настроении такие книги для Вас — non sens. <...> Вам нельзя писать ни критику, ни о критике, а нужно давать художественные „фуги“ или „боевые“ рапсодии», ³⁷ — писал он. По сути, Розанов, действительно, представил антирекламу «Философским течениям...».

На автографах сохранились следы явной обиды на Розанова — более поздние карандашные пометы Перцова, где он упрекал критика в эгоизме и невнимании к окружающим. В конце второго текста сохранилась следующая запись: «Удивительное пустословие — характерное для равнодушия Розанова ко всему „постороннему“». И далее: «Обе рецензии — образцы того, как небрежно и недобросовестно мог относиться Розанов к „дружеским“ работам (обычное его отношение)».

В конце концов Перцов был вынужден сам составить отклик на книгу и поместил его под псевдонимом «Библиофил» в журнале «Мир искусства». ³⁸

³⁰ Там же. С. 373 (письмо от 1 апреля 1899 года).

³¹ Там же. Т. 1. С. 374.

³² Глинский Б. Б. Литературная молодежь // Исторический вестник. 1896. № 6. С. 927–942.

³³ Буренин В. П. Опыт философской критики // Новое время. 1899. 23 авг. № 7359. С. 2.

³⁴ Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 374.

³⁵ Там же. С. 379.

³⁶ Там же. С. 401.

³⁷ Там же. С. 402–403.

³⁸ Мир искусства. 1899. Т. 1. № 11/12. С. 133–135.

Рецензии Розанова печатаются по автографам из архива П. П. Перцова: РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 267. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

I

Первое издание¹ этой вдумчиво и с любовью написанной и составленной книги вызвало в журналистике то, что можно было бы назвать литературным «воем»; во всех журналах розоватого колёра посыпались голоса, «поющие, взывающие и глаголящие» анафему кружку молодых² или еще не старых людей, решившихся — на что бы вы думали?... на истолкование, на критику, на любовь и культ к Тютчеву, Фету, Баратынскому, Огареву, Кольцову, Полонскому, Апухтину. Молодой идеалист, П. П. Перцов, объединил свою восторженную и неопытную душою, исполненною не столько даже любви к литературе, сколько любви вообще к главной задумчивости и вдумчивости, к «вере, надежде и любви» — но на попрание культуры, собрал и связал в своем сборнике букет поэтических и философских цветов. Такое необыкновенное зрелище, как «розы», произвело в «стане» Михайловских, Скабичевских,³ Южаковых, Протопоповых, Гольцевых и Кареевых⁴ впечатление динамического взрыва, «мефистофелевской улыбки» около радикальных Маргарит. Истинная боль почувствовалась «налево», «в крайней левой» нашей журналистике, и потекли обширные и желчные статьи во всяких «Мыслях» и «Богатствах»⁵ — российских на иностранный лад. Да, нынче трудно быть «с душою чисто Геттингенской», как выразился Пушкин о помещике Ленском...⁶ Тут и Ленскому, и Пушкину, и самому Геттингену прямо переедут велосипедом через живот, и «поэта» или «философа» как не бывало; велосипедом не стальным, а критическим, на котором правит «благополучный россиянин» Скабичевский. Но довольно о впечатлении книги в литературе; скажем о самой книге: «Основная цель сборника — разъяснение и определение философских течений нашей поэзии: вопрос, настолько же любопытный, насколько мало разработанный. Сообразно с этой целью, руководящие критические очерки, посвященные каждому из двенадцати избранных нами поэтов, имеют в виду главным образом его мирозерцанье; рассматривают его как мыслителя, как философа. Если искусство есть лучшая форма выражения индивидуальности, лучший способ раскрытия души человеческой, то, с другой стороны, главным содержанием индивидуальности, определяющим ее моментом является бесспорно ее религия: то или иное отношение человека к важнейшим, к вечным вопросам бытия. Отсюда ясно то значение, тот интерес, который представляет вышеуказанная точка зрения: поэзия в сфере образного мышления дает столь же серьезный и богатый материал философского характера, как „философия“ (в техническом смысле этого слова) в сфере мышления логического, научного».⁷ Так «запел» было Шиллер, объясняя цель своих собираемых трудов, как из-за угла выехал Скабичевский и «по животу» его, «по животу» его... Но «Сборничек» не был окончательно зашиблен; через три года он отдышался — и вот появляется вторым изданием. Упаси его Бог от новых встреч; да и пусть же несколько станет активной публика, к которой несут слова культурной «веры, надежды, любви...». Бледная наша публика, робкая наша публика...

В. Розанов

Автограф. Помета рукой Перцова: «Первая рецензия», помета рукой Розанова: «Константину Семеновичу Тычинкину от В. В. Розанова».

¹ В преддверии первого издания Перцов писал отцу 18 марта 1896 года: «...сборник мой уже сдан в цензуру и завтра кончается цензурный срок, так что в середине этой недели он появится в продаже и будет напечатаны публикации о нем» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 74. Л. 1). Но вероятно, выход сборника задержался, поскольку 29 марта 1896 года Перцов сообщил Брюсову: «Книга моя „вышла в печать“, но, кажется, еще не „выходила в свет“» (РГБ. Ф. 386. Карт. 98. № 6).

² Речь идет о статье Б. Б. Глинского «Литературная молодежь», сопровождавшейся эпиграфом из Н. А. Некрасова: «Юное чадо прогресса / Врется, брыкается, бьет» («Публика», 1865). Критик писал о молодом поколении «новых людей» с новыми символами веры, потерявшем историческую преемственность и бросившем «перчатку своим отцам». Обозрение литературных про-

изведений, принадлежащих «перьям оппозиционных детей», начиналось с издания Перцова, которое произвело на автора впечатление «душной классной комнаты», обставленной томиками излюбленных писателей (*Глинский Б. Б. Литературная молодежь*. С. 933).

³ На самом деле из перечисленных на сборник откликнулся только А. М. Скабичевский статьей «Курьезы и абсурды молодой критики (Письмо пятое)» (*Новое слово*. 1896. № 9 (июнь). С. 176–197). Объясним название статьи: Скабичевский имел в виду не возраст критиков, среди которых были люди почтенного возраста, а идейные расхождения, новую «молодую» критику, выступившую против заблуждений «старой критики» 1860–1870-х годов. Перцов, вероятно, со временем забыл о статье и в более поздней записи на автографе заметил: «Итак, Скабичевский (к<ото>рый, кажется, даже не писал о сборнике), шутя, уничтожил — „переехал“ сборник?..»

⁴ Названы «звезды» либерального лагеря. Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — публицист, критик, кумир либеральной интеллигенции. Южаков Сергей Николаевич (1849–1910) — публицист и экономист, народник, автор книги «Социологические этюды» (СПб., 1891–1896. Т. 1–2). Протопопов Михаил Алексеевич (1848–1915) — представитель народнической критики. «Протопопова от Южакова не отличишь», — писал Розанов в рецензии на книгу Мережковского «Вечные спутники» («Иллюстрированное приложение» к «Новому времени». 1899. 31 марта. № 8291. С. 7; перепеч.: *Розанов В. В. Юдаизм*. С. 144–145). Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) — редактор журнала «Русская мысль»; Кареев Николай Иванович (1850–1931) — историк, который воспринимался Розановым как символ «западничества».

⁵ Имеются в виду журналы «Русское богатство» и «Русская мысль», в которых не было откликов на сборник «Философские течения...». Ср. в письме Перцова к Розанову: «Ни „Русс<кая> мысль“, ни „Вест<ник> Европы“, ни „Русс<кое> богатство“ не обмолвились ни словечком о книге; все Михайловские, Скабичевские и Южаковы сидели скромно по своим норам» (Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова. Т. 1. С. 374).

⁶ «Молодой идеалист» Перцов напоминал Розанову пушкинского Ленского «с душою чисто геттингенской»; под этим подразумевался душевный идеализм Перцова. См.: письмо Розанова к Перцову от 1 января 1898 года (Там же. С. 171) и от 27 (?) ноября 1898 года (Там же. С. 273); письмо Перцова к Розанову от 15 октября 1899 года (Там же. С. 498).

⁷ С незначительными неточностями цитируется Предисловие к сборнику.

II

Трудновато становится «быть писателем». Вот книжка, составленная с самыми привлекательными целями, и ряд критических этюдов, ее составляющих, в большей части оставляет также самое привлекательное впечатление. И, странно, все это не вырастает до определения: «быть писателем». Ум, вкус, образованность, величайшая тщательность, так сказать «поделки» (работы, мастерства) чувствуются на каждой странице: но вот статья кончена, вы ее прочитали без утомления, но на заключительный вопрос: «безусловно ли необходимо, чтобы эта статья была написана?» неодолимо отвечаете: «нет, ее можно было бы и не писать». Т. е. за каждую статью (исключение составляет разве первая работа о Пушкине г. Мережковского,¹ лучший вообще этюд из его критической деятельности, но и то с оговоркою «разве») не чувствуется как безусловной субъективной нужды ее написать, так и безусловной объективной нужды получить статью и прочитать ее. Поэтому «Сборник», составленный из столь образованных статей, в сущности, не имеет образовательного течения. Это не есть «следующий класс» для русского сознания, это есть тот же класс, на второй год в том же классе. Чувство глубокого утомления и умственной скуки, испытываемое учеником при прохождении «повторного курса», где почти все ему полужнакомо, и он неделю должен сидеть в классе, чтобы услышать какое-нибудь мелкое новое известие, это чувство испытывает и читатель названной книги. И между тем — это прежде всего имена образованных и со вкусом людей: отчего же получается такое впечатление? Образование и вкус в не исключительно оригинальных устремлениях — слишком распространены в наше время, а в данном «Сборнике» и в его теме нет ничего, что вызвало бы оригинальное устремление у данных критиков. Для Вл. Соловьева — Тютчев,² для г. Андреевского — Лермонтов,³ для г. Перцова — Огарев и Кольцов⁴ — это *проходные* темы, это даже и отдаленно не суть меры их общежизненного развития: и, проходя *мимо* этих прекрасных тем, они, конечно, пишут прекрасные страницы, но в которых нет строгой

необходимости ни для *них*, а равно и для читателя. Вот почему, повторяем, эта «прекрасно сделанная книга» не оставляет живого впечатления, и тем это грустнее, чем прекраснее ее задача, и, так сказать, аккуратнее каждая строка пригнана к строке, страница к странице, и все составляет прекрасное, но не одушевленное целое.

В. Розанов

Автограф. Помета рукой Перцова: «Вторая рецензия».

¹ Мережковский написал статью о Пушкине специально для сборника по просьбе Перцова.

² Впервые: *Соловьев В. С.* Поэзия Ф. И. Тютчева // Вестник Европы. 1895. № 4. С. 735–752. Статья была перепечатана в «Философских течениях русской поэзии» в сокращении под заглавием «Ф. И. Тютчев».

³ Впервые: *Андреевский С. А.* Поэзия Баратынского // Андреевский С. А. Литературные чтения. СПб., 1891. С. 1–36.

⁴ Об А. В. Кольцове Перцов высказал суждения, дополнив фрагмент Мережковского о поэте из книги «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (СПб., 1893).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-166-178

© А. С. Александров

**«ИДТИ ПО САМОМУ КРАЮ ЦЕНЗУРНОГО ОБРЫВА...»:
А. В. АМФИТЕАТРОВ В ГАЗЕТЕ «РУССКАЯ ВОЛЯ»
(ПИСЬМО А. В. АМФИТЕАТРОВА К М. М. ГАККЕБУШУ
(ГОРЕЛОВУ) ОТ 27 СЕНТЯБРЯ 1916 ГОДА)***

Письмо известного публициста и журналиста Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1938) к Михаилу Михайловичу Горелову (наст. фам. Гаккебуш; 1874–1929) относится к яркому этапу биографии литератора — периоду соредакторства (вместе М. Гореловым и Л. Андреевым) с середины декабря 1916 года новоорганизованной газеты «Русская воля».

История создания этого печатного органа затрагивалась в ряде обстоятельных работ.¹ Мы остановимся лишь на фактах, связанных непосредственно с участием в проекте Амфитеатрова, деятельность которого в «Русской воле» всесторонне не рассматривалась в отдельных изысканиях. Исследователями подробно установлены причины, по которым в разгар Первой мировой войны в ряду крупных промышленников и банкиров возникла идея создания новой газеты — требовалось усилить свое информационное влияние на общество с определенными политическими задачами, главным образом, из-за надвигающихся выборов в Государственную Думу (не состоявшихся).² За организацию этого предприятия взялся А. Д. Протопопов, крупный помещик и промышленник, член Государственной Думы от Симбирской губернии.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-10012-П: «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, в ИРЛИ РАН.

¹ Подробнее о «Русской воле» см.: *Оксман Ю. Г.* «Русская воля», банки и буржуазная литература // Лит. наследство. 1932. Т. 2. С. 165–186; *Майер Л.* «Русская воля» и «Луч»: А. Д. Протопопов и Максим Горький в борьбе за буржуазную общественность накануне Февральской революции // Отечественная история. 1996. № 1. С. 29–52; Переписка [М. Горького] с А. В. Амфитеатовым / Вступ. статья Н. И. Дикушиной; публ. и комм. Ф. М. Иоффе, А. Е. Погосовой [и др.] // Лит. наследство. 1988. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Незданная переписка. С. 31–473.

² См. об этом в показаниях А. И. Шингарева от 21 августа 1917 года (Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П. Е. Щеголева. Л., 1927. Т. 7. С. 35).